

В.А. ЯДОВ

ПРОСТИ МЕНЯ, ЮРА

Памяти Юрия Левады посвящено немало статей и в социологических журналах, и в газетах. Я хотел бы поделиться, так сказать, интимными воспоминаниями.

Мы познакомились в ИКСИ, причем я воспринимал Юрия Леваду как мэтра: человека более образованного и намного более эрудированного в социологии, чем я. Мои собственные познания в области теории были тогда несопоставимы с его начитанностью. На семинарах Левады, где мне, ленинградцу, случалось присутствовать довольно редко, Юрий держался как профессор среди первокурсников. И имел для этого все основания. Его компетентность в области теории, вероятно, не уступала познаниям моего близкого друга Игоря Кона. Но различие заключалось в том, что Игорь — историк, для которого труды Дюркгейма или Парсонса были предметом изучения, а Левада относился к теоретическим концепциям как к исследовательскому инструментарию. Сейчас, когда я пишу эти строки, начинаю догадываться, что именно Юрий подтолкнул меня к такому восприятию работ теоретиков. Спустя десятилетия эту мысль чётко артикулировал Петр Штомпка.

В 1967 г. я приехал в Москву для обсуждения докторской диссертации в отделе Левады. ИКСИ располагался в подвале на улице, название которой я запомнил. Размещение в подвале само по себе не представлялось мне странным, так как наш ленинградский отдел арендовал тогда несколько комнат хотя и не в подвальном помещении, но и не в хоромах. (Это были три этажа в историческом здании Гостиного двора. На верхнем этаже находилась просторная комната для общих занятий и обсуждений, на втором — две комнаты сотрудников и на первом — комнатёнка «шефа» и еще одна вроде дворницкой. Там мы держали перфораторы и что-то еще из тогдашней техники).

Итак, пройдя по полутемному коридору ИКСИ, я вошел в «зал заседаний», где собралось человек двадцать, Левада за столом председателя. Я достаточно пространно и самоуверенно излагал содержание своего докторского опуса по методологии исследования. Затем Левада задал пару вопросов, из коих я понял, что пыл следует умерить.

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальных трансформаций Института социологии РАН. **Адрес:** 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. **Телефон:** 125–79–20. **Факс:** (095) 719–07–40.
Электронная почта: yadov@isras.ru

Длительное обсуждение убедило соискателя в необходимости кое-что продумать заново. Я расстроился, и кто-то сказал: «Брось, ты должен гордиться тем, что обсуждали работу у Левады. Знаешь, физики говорили, что выступить и быть выруганным на семинаре Ландау — это немалая честь».

Отлично помнится собрание в ИКСИ, на котором директор М.Н. Руткевич, прозванный Бульдозером, поставил вопрос о лекциях Левады как содержащих грубые отклонения от истмата. На этом собрании в защиту Левады, кажется, не выступали. Все мы были огорошены, витийствовали Бульдозеры «шестерки». На расширенном заседании в Академии общественных наук при ЦК КПСС я не присутствовал. Там особенно смело говорили Грушин и Шубкин. Я уже задним умом сообразил, что надо было ехать в Москву. Именно под влиянием этого чувства вины перед Левадой я в начале перестройки предложил журналистам Максимовым пригласить его в телепрограмму «Общественное мнение». Про себя думал, что, вытащив Юрия на широкую публику из укрытия в стенах ЦЭМИ, я хоть частично заглушу чувство вины перед ним. Но оно остается и по сей день.

После моего переезда в Москву мы с Юрием стали общаться намного чаще. Удивляла его отчаянная работоспособность. Я сам трудоголик и умею отдыхать лишь в период отпуска на эстонском хуторе. Юрий вообще не был способен к свободному времяпровождению. В субботу и воскресенье в любое время до полуночи (позже я его не беспокоил) он через пару секунд отвечал на телефонный звонок: «Привет, старик, как дела?» Заметьте — не как себя чувствуешь, а как работается? Когда, блаженствуя на своем эстонском хуторе, услышал по «Свободе» об отстранении Левады от руководства ВЦИОМом, я сразу же позвонил ему в Москву и спросил, чем можно помочь. Стоит ли мобилизовать эстонских коллег? Он довольно спокойным голосом сказал, что ничего делать не нужно. У них все налаживается. По возвращении я сразу поехал в их новый Центр, и Юрий подробно рассказал полудетективную историю. Приведу этот рассказ от первого лица, как запомнил.

«Приезжает незнакомый субъект из Министерства труда (ВЦИОМ был создан при Минтруда. — *В.Я.*) и говорит, что руководство предлагает принять в качестве моего заместителя такого-то. Я отвечаю, что не жалуясь на своих замов. Тогда он предупреждает, что “будут приняты меры”. Через пару дней вызывают меня не буду говорить куда и обвиняют в том, что мы сознательно завышаем рейтинг Путина. Я ссылаюсь на опросы других центров и говорю, что наши данные практически сходны с данными их опросов. Говорят: “А вот такой-то центр опросов общественного мнения дает совсем иную информацию”. Такого центра нет, мне он неизвестен. Они говорят: “Даем вам неделю (точно не припомню, сколько именно дней), чтобы сдать дела новому руководителю ВЦИОМа”. Мы к тому времени уже

зарегистрировали «Левада-Центр». Осталось договориться о помещении. Арендовали пол-этажа здесь, в здании «Московских новостей», забрали весь архив, и все до единого, включая уборщицу, перебрались на новое место. Заказов не убыло. Скорее их больше, чем мы можем осилить».

Я спрашиваю, как работает ВЦИОМ при новом директоре, и Юрий отвечает, что его это мало интересует. Что-то они делают на базе института Г. Осипова, подробностей он не знает.

«Левада-Центр» после попытки убрать из ВЦИОМа его лидера лишь приобрел еще более высокий авторитет. Сейчас коллеги Левады приняли эстафету и по-прежнему лидируют среди российских полстеров.

Надо сказать, что Юрий, будучи добросердечно расположенным к тем, кого причислял к «своим», не отличался излишней откровенностью. Он жил своей напряженной интеллектуальной жизнью. У меня было ощущение, что он сейчас обдумывает какую-то проблему (может быть, текст для публикации) и не способен вот так сходу переключиться на болтовню. Если же речь шла о научных проблемах, он немедленно включался, и более заинтересованного собеседника в среде коллег-социологов, если не читать Геннадия Батыгина, Игоря Кона и Николая Лапина, я не встречал.

Мне всегда было интересно, как устроен ум серьезных исследователей. Скажу, например, о Борисе Герасимовиче Ананьеве — выдающемся психологе, с которым мне посчастливилось тесно общаться и которого считаю своим учителем в студенческие годы. Ананьев, как правило, размышлял вслух и тем самым предлагал слушателям участвовать в поиске ответов на его вопросы. Другой выдающийся психолог, преемник Дмитрия Узнадзе Шота Надирашвили, убежденно читал лекцию о феномене установки личности. В этой манере он явно уступал Пьеру Бурдьё, с которым у меня было две встречи, и где я едва ли мог вставить пару слов.

Юрий Левада не вписывался в эти модели. Он, как правило, начинал говорить о своём представлении обсуждаемого, но всегда заканчивал фразой: «А ты как думаешь?» И дальше спокойно и убежденно отстаивал свою позицию. Переубедить его было очень трудно. В крайнем случае, он говорил: «Ну, посмотрим».

Недавно опубликованное в Интернете интервью Дмитрия Шалина с Левадой, записанное в Гарварде во время горбачевской перестройки, многое проясняет. Левада был высоконравственным русским интеллигентом, следовал жизненным принципам, которые для себя установил. Принципы эти, как я понимаю, такие: «Я должен хорошо делать то, что я умею, я не должен вмешиваться в судьбы других и, наконец, есть люди, которые мне интересны, и есть те, кто для меня как будто отсутствует». Я счастлив тем, что, как надеюсь, был в «круге первом».